

Певец номер один о своих проблемах: с налоговой полицией, избыточным весом и боязнью вертолетов

Филипп Киркоров:

С МОИМ КРУГЛЫМ ЛИЦОМ НАДО БЫЛО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ

Мы договорились встретиться у него дома в воскресенье в 12 утра. В начале первого я узнал у охранника в подъезде, что ему ничего не известно ни о каком визите, и принялся названивать в квартиру Филиппа по телефону. Наконец там подняли трубку, и я услышал чуть хрипловатый голос. «Филипп, это я, мы с вами собирались сегодня пообщаться, вы что, забыли?» «Я ничего не забыл, — обиделся Киркоров, — я проспал. Давай поднимайся».

«К НОВОМУ ГОДУ — Я НИКАКОЙ!»

Минут двадцать мы сидели в гостиной, пока оживала большая квартира: начал звонить телефон, принялись ходить туда-сюда люди, сновали собаки... «Пошли ко мне в кабинет», — предложил Филипп. Там царил такой уютный творческий беспорядок, что промозглая осенняя непогода за окнами, выходящими на Яузу, как-то забывается. Филипп задернул шторы, пожегился.

— Я ужасно не люблю это время года — конец сентября и ноябрь. На меня очень сильно действует эта мрачная слезливо-плаксивая погода. И потом, ноябрь — это всегда гонка: записываются новогодние программы для всех телеканалов. А я, если честно, сниматься ненавижу — телевидение не может передать все, что хочется. Боюсь, что в самый ответственный момент или пленка кончится, или камера остановится. Когда говорят: «Мотор!», меня начинает клинить. На концерте, живьем, без всяких дублей, когда нет камеры, все получается лучше. А когда я знаю, что меня снимают, начинается какой-то внутренний мандраж, до сих пор — я не уверен, что снимут хорошо, запишут как надо. Для этого надо так сконцентрироваться, так освободить свою башку от всего, чтобы ничего не мешало, а поскольку я сам себе и режиссер, и продюсер (самый независимый, от которого ничего не зависит), то в день приходится делать тысячу дел да еще и сниматься. Когда же на все это наслаивается новогодняя кампания, изматываюсь вконец. Поэтому к Новому году я никакой. И в предновогодние дни постоянно переживаю, как меня сняли — все праздничные передачи посмотреть не удается. Зато первого января я крещусь: «И в этом году пронесло, вроде никаких проколов не случилось».



«НЕ МОГУ ПЛАТИТЬ 100.000 ДОЛЛАРОВ ЗА КЛИП»

Стоит Киркорову где угодно заикнуться о деньгах на рубль, как тут же его на червонец спросят о налогах. Это русская народная ассоциация такая: зайка — зайчик, ручка — пальчик, дверца — ключик, налоги — Киркоров. Я не задавал вопросов, только сказал: «Кстати...»

— Кстати, о налогах. Шесть месяцев шла дикая дискуссия на эту тему. Почему не заплатил? Почему написал 12 миллионов? Почему такой плохой? А я не плохой. Просто не понял. Почему надо мной издеваются? Быстренько все подсчитали мои доходы, а расходы? Ну, я тоже несерьезно отнесся ко всему. Не думал, что это будет так воспринято. Никто же не против платить налоги, просто хочется, чтобы это не было похоже на игру в одни ворота: «Дайте денег! Нахватали там, напели под фанеру!» Во-первых, не под фанеру, во-вторых, не нахватали, в-третьих, деньги мне нелегко даются. Я же не зарабатываю, сидя в офисе или дома, спаривая Норильск с Новокузнецком: вы нам — рельсы, мы вам — уголь. Деньги добываются путем невероятных мытарств. В конце концов, я жену не видел месяц! Было понятно, что надо ставить последнюю точку в этой истории. Нашел повод: 10 ноября, в День милиции, пошел и заплатил эти чертовы налоги по полной программе, отчитался за каждую копейку. Это был не фарс, не шоу. Было трудно найти точную сумму. В 1995-м никто не знал, что надо сводить дебет с кредитом. Теперь мы каждую мелочь учитываем, у меня хранятся все счета: вот покупали камеру перед туром — все бумаги и на нее, и на кассеты. Контракты. Мы никогда не заключали контракты, теперь нам объяснили, как работать, — мы и работаем. Но когда ни с того ни с сего бьют по голове и говорят: «Отдай!», а мы в ответ только глазами хлопаем: «А костюмы, а клипы, а реклама на телевидении, а артистам заплатить?» У меня 80 человек в коллективе — музыканты, балет, техники, администраторы... Но точка в истории с налогами поставлена. Вроде бы мы поверили друг другу на слово и претензий ко мне за 1995—1996-й годы у налоговой службы больше нет. Они только предупредили, что в следующем году я за каждый шаг буду отчитываться. Это мы понимаем. Но прихожу к клипмейкеру и прошу дать бумагу, что я заплатил за ролик, а он говорит, например: «Плати в полтора раза больше, с меня тоже налоги возьмут». А я не могу отдать за клип 100 тысяч долларов — тоже непонятно, как быть. В общем, в будущем надеюсь на цивилизованные отношения в налоговой области.

«В МОСКВЕ Я ПРИОБРЕТАЮ ЗАЧУХАННЫЙ ВИД»

В этот момент зазвонил один из двух «кабинетных» телефонов. Выражение лица Филиппа изменилось с безмятежно-веселого на недовольное. Почти такое же я видел буквально через два дня после возвращения Киркорова из тридцатидневного тура — я почти случайно оказался вместе с ним в его автомобиле. Филипп ехал к кому-то на день рождения и, ответив за десять минут на семь телефонных звонков, повернулся ко мне и устало выдохнул: «Теперь ты понимаешь, почему я так люблю гастроль и не люблю Москву?»

— Москву нельзя не любить. Жизнь проходит за секунды, причем в каких-то постоянных заботах. Решение даже маленькой проблемы может отнять целый день... Приезжая в столицу, я приобретаю зачуханный, озабоченный вид. Люди встречают меня на тусовках и задают один и тот же вопрос: «А почему ты такой грустный?» Да не грустный я, а озабоченный! У меня начинается тупость творческая — ничего родить не могу. Я вообще люблю гастроль, мне нравится работать со зрителем, особенно когда большая аудитория. Это кайф невероятный, любой артист меня сможет понять. Выходишь, а на тебя устремлены тысячи глаз — это невероятное ощущение, ты можешь делать все, что хочешь. И я играю: плохого, смазливо-



фото Ларисы Кудрявцевой

го, веселого... В жизни все по-другому. Ну и, наверное, это все-таки финансы. Гастроли — мой заработок, возможность получить деньги. Я бы меньше работал, если в нашей стране пираты не лишали бы нас, артистов, огромного заработка, если б получил все деньги за альбом «Скажи солнцу «Да!» с этой «Зайкой» сумасшедшей. Ведь практически в каждом доме есть этот диск или кассета, а у нас — 200 миллионов человек.

Собеседник - 1997 -
№ 46 - с. 10

«У АЛЛЫ ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ «ЗИГЗАГ»

Мы почти одновременно чиркаем зажигалками, затягиваемся. Откидываясь на спинку кресла, сетую: «Все собираюсь покончить с этими пороками — курением и, главное, обжорством. Сбросить бы мне килограммчиков 10—20...» Филипп придвинулся поближе.

— Меня Алла подсадила на это раздельное питание. Я ведь страшный чревоугодник: всю жизнь ел неправильно — в свое удовольствие. Меня спасал только рост: в жизни не было видно, когда я раздавался, но на экране это заметно всегда. Многие долгое время вообще не знали, что я высоко-го роста, думали, что маленький такой, колобок, одним словом. Когда у меня начал меняться репертуар, я стал переходить на вдохновенные, образные песни (не мальчик все-таки, а муж уже) и понял, что с моим круглым лицом надо что-то делать. Не сочетаются в сознании людей чувственность и пухлые щеки.

И потом, проблемы со здоровьем. Звезда не звезда, но остаюсь-то человеком. У меня, например, проблемы с позвоночником потому, что я высокий, еще там всякие болячки. А новый образ стал причиной, которая заставила взяться за себя очень круто. Лишиться всего, что доставляло маломальскую радость. Повар личный — это не понты. Каждый раз согласовывать в городе или на гастролях меню — головная боль. Кто-то хорошо готовит, кто-то — так себе. И потом, система Аллина — раздельное питание: углеводы с белками не смешивать, позже шести не есть, из напитков — только минеральная вода, никакого алкоголя. Я очень редко могу себе позволить это дело, только с невероятной радостью какой-то. Вчера я, так сказать, оттянулся на радостях, что все удачно прошло. Знал — завтра нет работы. Не пью еще и потому, что на следующий день я не человек, этот день просто выброшен из жизни. Я ничего не могу делать, хожу из комнаты



в комнату и ничего не соображаю. Никуда не могу пойти, рожь вся наперекосяк — у меня сразу все на лице. В общем, состояние любого человека — пьяного или с бодуна. Но мне это никогда не доставляло огромной радости. Отсутствие алкоголя, диета плюс нагрузки во время концертов — вот и причина, почему я, начиная с сентября, похудел на 15 килограммов. Считаю, что еще надо сбросить килограммчиков 5—6 и будет то, что надо. У Аллы та же система, только у нее еще есть спорт. У нас весь второй этаж в тренажерах, два раза в день она к ним ходит, занимается. Но бывают и срывы. У Аллы это называется «зигзаг». В том же туре — десять дней держишься и вдруг в Нижнем Новгороде видишь — «Макдоналдс». Хочу! Берешь чизбургер, гамбургер, жареную картошку, пирожок с яблоками, а потом себя ненавидишь. Что ты сделал? С ужасом становишься утром на весы — плюс полтора килограмма. За что? Как тяжело было их сбрасывать. И до следующего зигзага...

«МОЯ МЕЧТА? ВЫСТУПИТЬ В ЛАС-ВЕГАСЕ»

Нас опять прерывает телефонный звонок. Видимо, этот крест Филиппу придется нести всю жизнь. Положив трубку, он улыбается, будто спрашивая: «На чем мы остановились? Ах да, на радости».

— Подсел я на американский бильярд. Вообще-то бильярд терпеть не могу — лузы маленькие, шары большие, тяжелые. Мне сказали, что американский бильярд у нас не так популярен, немногие его любят, а мне понравилось. Там лузы большие, попасть можно, известно, где чьи шары.

А самое любимое времяпрепровождение — перед телевизором, причем меня реклама зомбирует — я спокойно могу ее смотреть. Не ухажу в туалет. Есть даже любимые ролики. Еще боулинг безумно люблю. И автоматы в казино. Любые, но только в одном месте — Лас-Вегасе, который обожаю, меня тянет туда как магнитом. Прилетаешь, и уже в аэропорту начинается — автоматы, звон монет на каждом шагу. Это город ИГРЫ. И постоянно — шоу, в каждом казино. Там — все. Копперфилд, Фрэнк Синатра, Лайза Миннелли, Элтон Джон, Барбра Стрейзанд. Раз в год позволяю себе такого рода развлечение. И конечно, у меня мечта — выступить в Лас-Вегасе. Весь мир туда тянется. Получить право выступить в Лас-Вегасе просто невозможно. Но... Пожалуй, открою «Собеседнику», надо же что-то рассказать, чего никому еще не говорил, хотя точно знаю, если заранее скажу: «Я поеду туда-то и сделаю то-то» — все, этого не происходит. Распирает, хочется поделиться, как только поделюсь — все. Вот и проверю, сбудется или нет. После концерта в «Мэдиссон Сквер Гарден» я получил приглашение выступить в Лас-Вегасе. На сколько мне известно, это первое предложение русскому артисту от тамошних фирмачей. Пока все вроде складывается так, что я повезу туда свое шоу в марте. Что из этого получится — посмотрим, не спазит ли «Собеседник».

«ЛЕТАТЬ НА НАШИХ ВЕРТОЛЕТАХ — ЗНАЧИТ РИСКОВАТЬ ЖИЗНЬЮ»

В Лас-Вегасе я ни разу не бывал, а вот погонять шары на бильярде иногда не прочь. И телевизор тоже люблю. Помню, включая как-то раз, смотрю — Киркоров на парашюте летает над морем...

— Это в Сочи было. Мне нравится все, что я еще не попробовал. Один раз я нырял с аквалангом в Израиле, хотя не люблю рыб и все, что плавает. Но когда мы были в Севастополе, в то время был в очень хорошем состоянии дельфинарий, и мне предложили поплавать с дельфином, правда, предупредили, что он может заиграть. Но я рискнул. Это незабываемое ощущение. Дельфин — космическое существо.

Безумно люблю «американские горки». Только настоящие, в Америке, — высокие, какие-то безумные петли, это невероятный завод. Но ужасно боюсь вертолетов — потому что знаю, в каком состоянии они в нашей стране находятся. В этом году пришлось лететь из Анапы в Сочи. Дело в том, что еще я боюсь серпантинов, жуткий, непонятный, беспричинный страх. Пришлось поставить на весы, чего боюсь больше — вертолетов или серпантинов. Прикинул, на машине добираться 8 часов, на вертолете — час. Понимаю, что лучше вертолет, а безопасней — серпантин, но как представил себе эту ночную дорогу в дождь, обрывы... В общем, решили лететь. А еще перед самым взлетом нас предупреждают, что вертолет перегружен на три человека. Спрашиваю: «Взлететь-то можно?» Мне говорят: «Взлететь-то да, а вот долететь...» Хорошенькое дело? За этот час у меня наверняка прибавилось седых волос.

Прежде чем оценивать изложенное выше, подумайте, многим ли из нас удастся донести до тридцати лет маленький, почти невесомый ранец детского задора и ребячества. Не инфантилизм, который поразил немалую часть мужского населения, а способность смотреть на мир широко открытыми глазами, открывать новое, радоваться жизни по мелочам, постоянно искать себя. Быть естественным, самому строить свое счастье, любить. Не судите Киркорова как человека, не пообщавшись с ним, не судите как артиста, не побывав на его концерте. Там, на сцене, его настоящая жизнь, и каждое его выступление — экзамен, который оцениваете вы, зрители.

Алексей СУМИН.

